

Показано развитие судебного представительства в Великом княжестве Литовском в XVI в. Впервые организационное оформление и законодательное закрепление судебного представительства произошло в городах с Магдебургским правом. Появление профессиональных судебных представителей было связано, прежде всего, с принятием Статута 1529 г., в котором содержались правовые нормы, позволяющие замещать стороны в суде. Закреплялся статус профессиональных представителей – адвокатов, которые назывались прокураторами. Статут 1566 г. фактически обобщил 30-летнюю адвокатскую практику и довольно четко регламентировал ведение дела в суде как лично, так и через прокуратора. Установлены основания, когда адвокат предоставлялся бесплатно по назначению суда. В Статуте 1588 г. подробно регламентировалась процедура наделения судебного представителя полномочиями. Сделан вывод, что институт представительства прочно укоренился в судебном процессе, получил свое письменное закрепление в статутах и в итоге привел к образованию института адвокатуры.

Ключевые слова: институт адвокатуры; Магдебургское право; прокуратор; профессиональный представитель; Статут.

Михаил Петрович Беляев, канд. ист. наук, доцент,
кафедра правоведения, АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации»,
Мытищи, Московская обл., Россия;
babek-han@mail.ru

СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI в.

Введение. Судебное представительство появилось еще в древности, когда сильный оказывал помощь слабому – сначала ради собственного удовольствия или интереса, а уже потом за деньги для всех желающих [1, с. 102]. Первоначально суды не были профессиональными и постоянными органами и созывались по мере необходимости. Судебный процесс был публичным мероприятием, поэтому личное участие стороны в заседании было одной из важнейших гражданских обязанностей. Поскольку в древнерусской семье мужчина имел наибольшую юридическую власть и авторитет, он чаще всего представлял свою семью или отдельных ее членов в суде. Это касалось в основном несовершеннолетних, женщин и лиц, страдающих различными заболеваниями, например, психическими, которые не позволяли им самостоятельно отстаивать свои права. Это естественное представительство, деятельность которого регулировалось местными обычаями [4, с. 343–344].

В начале представительство не требовало специального юридического образования. Однако с развитием общественных отношений усложнялись правовые нормы. Их знание и применение становилось затруднительным для большинства населения. Чтобы защитить свои права в суде, недостаточно было ознакомиться с фактическими обстоятельствами дела, необходимо было понять юридическую значимость этих фактов, иметь возможность сообщить о них суду в устной или письменной форме, раскрыть правовую сторону дела, а также знать различные формы судебного разбирательства. В связи с этим многие люди нуждались в поддержке и помощи человека, который бы знал технику правосудия, не раз появлялся в суде, хорошо разбирался в правоприменительной практике и юридической науке. В древние времена, когда уголовный процесс еще не отделился от гражданского, участие представителей допускалось в обеих категориях дел. После разделения судопроизводства на гражданское и уголовное, роль судебных представителей изменилась. Уголовный процесс теперь включал в себя стадии следственного розыска и состязательного суда. К участию в розыском процессе судебные представители не допускались [1, с. 101–103; 4, с. 345].

Возникновение судебного представительства в Великом княжестве Литовском. В соответствии с традицией, сложившейся в Великом княжестве Литовском (ВКЛ), как истец, так и ответчик должны были лично участвовать в судебном процессе. С XV в. существовало правило, что ответчик несет ответственность за отсутствие в суде без уважительных причин. В этом случае, согласно Судебнику Казимира IV, сторона считалась проигравшей. Однако в дальнейшем законодатель предусмотрел случаи, когда стороны имели право назначать вместо себя своих представителей. Это нашло отражение во всех трех Статутах ВКЛ. В соответствии с арт. 23 раздела IV «О судах» Статута 1588 г. «кто бы по болезни или через службу нашу земскую за позовом к суду стать не мог, а также те, кто был бы позванный на суд, а случилась бы ему болезнь или служба наша, или земская, или эпидемия моровая, по коим причинам на суд появиться не мог, тогда за такую неявку платить штраф не должен, и дело проигранным не может считаться». Тем самым, были четко перечислены причины неявки в суд, которые считаются уважительными. Лицо, участвующее в деле, не имевшее возможности явиться на заседание, должно было заранее уведомить суд. В связи с болезнью ответчика дело могло быть отложено дважды. На третий раз он должен был прийти сам или направить представителя. Согласно арт. 55 «О заступничестве в суде одного за другого», представитель должен отстаивать интересы своего доверителя, он имеет право давать объяснения и представлять доказательства. Представителем мог быть профессиональный адвокат – прокуратор [6, с. 169–170].

Впервые организационное оформление и законодательное закрепление судебного представительства произошло в ВКЛ в городах с магдебургским правом. Судебный процесс в таких городах был устным, гласным и состязательным. Устность и состязательность открывали широкий доступ к нему прокураторов. По магдебургскому праву они должны были отвечать определенным требованиям. Запрещено было заниматься прокураторской деятельностью умственно отсталым, несовершеннолетним

(до 21 года), священникам, еретикам, евреям, людям, которые отбывали наказание. Сурово наказывался прокуратор в том случае, когда он пренебрегал своими обязанностями или обманывал своего доверителя. За переход к защите противной стороны после начала судебного рассмотрения прокуратору отрезали язык. За проигранное из-за нерадивости дело он был обязан возместить понесенные убытки, а если отказывался – его бросали в тюрьму. Если же прокуратор не мог по уважительным причинам прибыть на суд, он должен был уведомить об этом всех участников процесса: своего клиента, судей и противоположную сторону. В противном случае он должен был компенсировать все убытки, нанесенные сторонам, и подлежал наказанию розгами у городского столба, после чего его изгоняли из города [1, с. 103].

В городах с магдебургским правом услуги прокураторов (пленипотариев, как их еще называли) оплачивались по определенной таксе: клиент платил им 4 деньга в день. Судебное представительство в городах с магдебургским правом было организовано по четко определенной системе. Юристы того времени считали его необходимым институтом правосудия. Судебное представительство заложило основы адвокатуры, которая как профессия изначально формировалась в городах с магдебургским правом [1, с. 103–104].

В земских судах также существовало судебное представительство. Замена обычного права писаным сделала невозможным для неопытных людей ведение дел в судах. Нужны были услуги тех, кто хорошо разбирался в законах. В начале XVI в. представителями потерпевших в суде преимущественно выступали писари, которые имели практический правовой опыт. Также доверенными лицами могли быть бояре, купцы, родственники, приятели и другие. Практика ведения чужих дел в суде была достаточно распространенной, но адвокатура еще не становится профессиональной, хотя и попадались случаи представительства в суде за вознаграждение. Ведение дела могло поручаться доверенному лицу – речнику или прокуратору [1, с. 104].

Появление профессиональных судебных представителей связано с принятием Статута ВКЛ 1529 г. В арт. 8 и 9 разд. VI содержатся правовые нормы, позволяющие замещать в суде стороны (как правило, одну из них). Арт. 8 устанавливает ответственность такого заместителя перед судом, – если судебное дело ведет другое лицо, то и решение будет касаться его, «а привлеченный по делу ответчик будет освобожден от явки... в суд». Но все же, ответчик хотя бы один раз должен был появиться в суде, поскольку его заместитель «...не должен выступать в суде до тех пор, пока его доверитель не появится лично и не поручит ему дело в суде». Исключением могла быть только болезнь доверителя. В этом случае он «...должен был дать ему [заместителю] поручение со своей печатью». Согласно Статуту 1529 г. выступление в суде на основании фальсифицированного поручения влекло за собой недействительность судебного решения. Если же в судебном заседании выяснялось, что ответчик не поручал вести дело в суде заместителю, а тот «это сделал умышленно и проиграл чужое дело ...тогда снова должно состояться судебное разбирательство». Если на таком судебном заседании факт фальсификации поручения

был доказан, то виновного «должны наказать как поддельвателя ничем иным, как сожжением на костре» (арт. 8 разд. VI) [1, с. 104].

Продолжением арт. 8 является арт. 9, который исключает из числа доверенных лиц иностранцев: «...никакой чужестранец не может быть прокуратором ни перед нами, государем, ни в земском суде, но только тот, кто имеет недвижимое в Великом княжестве Литовском». Наличие недвижимого имущества было гарантией для доверителя. В случае проигрыша дела можно было взыскать его с представителя. В арт. 8 термин «прокуратор» не упоминается. Возникает вопрос, есть ли разница между доверенными лицами, о которых говорит арт. 8, и прокураторами по арт. 9 Статута 1529 г. В законодательстве средневековой Европы термин «прокуратор» был достаточно распространенным. Под ним понималось именно доверенное лицо, которому поручалось ведение дела одной из сторон в судебном процессе. В таком значении этот термин употребляется и в Статуте 1529 г. Как судебная практика, так и содержание арт. 8 и арт. 9 показывают, что услугами заместителей пользовались родственники, больные и немощные люди, а услугами прокураторов – зажиточные шляхтичи. В рассматриваемый период не было четкого профессионального разделения между представителями (дьяками, писарями, служебниками) и правозащитниками (прокураторами). Первая категория лиц несла службу (церковную, государственную и т.д.), и представительство являлось для них дополнительным занятием. Для прокураторов же правозаступничество было главным ремеслом. Профессиональное (наемное) представительство – первый исторический компонент адвокатуры. Ее критериями являются оплата услуг и предоставление интересов различных лиц, а не только родственников. На смену естественным представителям постепенно пришли наемные [1, с. 104–105; 4, с. 345 – 347].

Следует отметить, что в XVI в. термин «адвокат» имел совсем другое значение. В городах с магдебургским правом «адвокат» дословно переводился как «войт», наместник. Именно в этом значении он и использовался в ВКЛ и в других странах Европы. Из изучения литературных источников и документального материала следует, что в XVI – конце XVIII вв. в судах ВКЛ по отношению к адвокату в современном смысле слова применялись следующие термины: прокуратор, уполномоченный, патрон, а также пленипотентат [1, с. 105; 4, с. 348].

Практика судебного представительства в ВКЛ. В середине 60-х гг. XVI в. в ВКЛ по польскому образцу проводилась судебная реформа. Ею предусматривалось создание отдельных специализированных судов поветового уровня – градского, земского и подкоморного. Правовая основа деятельности таких судов была заложена в ряде положений Статута 1529 г. и усовершенствована Статутом 1566 г. Постепенно формируется сообщество профессиональных адвокатов в современном смысле слова, терминологически обозначенный в документах как «умоцовани», «приятели», «прокураторы». Параллельно в судах и при осуществлении некоторых других правовых процедур интересы клиентов представляли осведомленные в праве шляхтичи, которые не имели статуса адвоката. Их деятельность фиксировалась в документах Литовской метрики – книг канцелярии Великого князя. К ним относились и те дела, которые по решению

поветового суда передавались на рассмотрение великокняжеского суда. В этот период шляхта продолжала фиксировать частнопроводные действия именно в книгах великокняжеской канцелярии. В них содержатся и данные о представителях в судебном процессе. Так, в начале судебной реформы в одну из книг Литовской метрики была внесена запись (от 18 августа 1566 г.) о переносе дела в комиссию волыньских шляхтичей по спору между князем Я. Андроновичем и берестейским и луцким епископом о границах между их владениями. Далее, Великий князь ввиду невозможности лично рассмотреть это дело распорядился уполномочить комиссаров решить этот земельный спор. Уполномоченные комиссары в этом случае выступали стороной защиты интересов семьи Белостоцких [2, с. 69–70].

Последующее развитие институт судебного представительства получил в Статутах ВКЛ 1566 и 1588 гг., где ему посвящено значительно больше артикулов: во Втором Статуте – арт. 31–37 разд. IV, в Третьем Статуте – арт. 55–61 разд. VI. Статут 1566 г., который фактически обобщил 30-летнюю адвокатскую практику, довольно четко регламентировал ведение дела в суде как лично, так и через прокуратора. Несмотря на то что от сторон по-прежнему требовали личного присутствия, не довольствуясь наличием представителя, суды рассматривали этот вопрос по-разному в каждом случае. Тем не менее закон еще не требовал, чтобы обвиняемый мог «отвечать через прокуратора» в отношении серьезных преступлений. Продолжался процесс законодательного оформления профессиональной адвокатуры. В Статуте 1566 г. четко разграничивались заместитель как уполномоченный ответчика и прокуратор как адвокат. Статут устанавливал, что сторона и представитель стороны равны в правах. Тем лицам, которые недостаточно осведомлены в вопросах права, предоставлялась возможность поручить ведение своего дела прокуратору. Согласно арт. 57 суд должен дать прокуратора тем, кто «...не будучи в состоянии сам вести дело свое в суде и не умея молвить, прокуратора требовал; тогда суд должен ему из вряда прокуратора дать и приказать прокуратору от его имени молвить и дело его вести» (арт. 33). Статут называл и другие случаи, в которых суд должен был предоставить стороне прокуратора. Кроме того, прокуратор предоставлялся тем, кто не имел возможности его нанять. К таким относились сироты, вдовы, которые остались без наследства, все те, кто «...убожеством своим прокуратора иметь и сами дела свои за несостоятельностью своей в суде вести не могли» (арт. 33). Предоставляя этим категориям лиц представителя, суд обязывал его «даром молвить». Прокуратор не имел права отказаться от защиты такого лица под угрозой запрета заниматься адвокатской деятельностью. Это свидетельствовало о зарождении института адвокатуры, пока как самостоятельной профессии [1, с. 105–106; 5, с. 94; 7, с. 143–144].

Помимо прокураторов продолжали действовать и другие судебные представители. Так, Великий князь Сигизмунд II Август с помощью комиссарского суда 7 августа 1568 г. пытался уладить дело о разграничении владений имения Ощов, полученного в собственность виленским воеводой, со Слонимского пушей, принадлежавшей к хозяйству Слонимского замка. Виленский воевода уполномочил представлять свои интересы

оцовского урядника. По просьбе виленского воеводы Великий князь подтвердил время рассмотрения и полномочия урядника в качестве представителя воеводы [2, с. 70–71].

В судебной документации шляхтичи, выполнявшие наряду с прокураторами представительские функции именовались «умоцованными». В отличие от «заместителя» (арт. 31 разд. IV Второго Статута), который брал на себя всю ответственность за результат процесса в определенных законом случаях, «умоцованным» же только представлял интересы стороны в суде. Для представления в суде интересов конкретных лиц уполномоченный должен был получить письменное поручение («письмо умоцований»), по которому, собственно, он и становился на период рассмотрения дела представителем. Арт. 32 разд. IV Второго Статута регулировал процедуру оформления полномочий. Они должны предоставляться непосредственно перед земским или гродским судом. Знатная шляхта могла уполномочивать адвоката письменно, заверив документ печатью и личной подписью. В случае неграмотности доверителя обязательным было оформление полномочий через суд. «Письмо умоцований» обязательно содержало обязательства доверителя о выполнении им судебного решения независимо от результата. Иногда в таком письме отмечалось право адвоката выбирать форму улаживания дела – через суд или прибегая к внесудебному разрешению спора. Полномочия могли предоставляться адвокату на ведение одного или нескольких конкретных дел, а также могли носить общий характер [2, с. 71–72; 10, с. 112–113].

7 августа 1568 г. в канцелярских книгах был записан рассказ хозяйственного писаря и одновременно васковского, корасницкого и индурского властителя Лаврина Войны, который выдал доверенность представлять его интересы в Вилькомирском суде князю Павлу Соколинскому Друцкому и его жене княгине Анне Любечской. «Умоцованы» должны были защищать интересы Лаврина Войны в суде по делу о наезде на находящееся в залоге имение Коварск, совершенное Григорием Остиком со своими слугами. Соответственно в «листе умоцованом» была описана и сама жалоба истца. Лаврин Война выбрал для этого дела своими представителями именно Соколинских, владельцев имения, которые отдали его в залог истцу. В случае нарушений оно переходило доверителю [2, с. 72–73].

В 70-е гг. XVI в. шляхтичи и лица из других общественных слоев продолжали участвовать в делах в качестве непрофессиональных представителей (умоцованными). Но все больше появлялось профессиональных адвокатов, которые своей работой зарабатывали себе на жизнь и имели перспективы карьерного роста в местных властных структурах. Такие адвокаты постоянно выступали в судах от имени своих патронов. Об их глубоком знании законодательства и профессионализме свидетельствует спор Николая Кишки Техановского с Николаем Конча о несправедливом получении привилегий в вилькомирском повете и о его правах, незанесенных в канцелярские книги 29 июля 1570 г. Интересы подляшского воеводы и дорогичьского старосты Н. Кишки Техановского представлял его умоцованный Мартин Менжинский, а Николая Кончи – умоцованный Романовский. Причем оба они были профессиональными адвокатами. Об этом свидетельствует содержание их речей, записанных писарем великокняжеской

канцелярии и внесенных в одну из канцелярских книг. Речи обоих адвокатов насыщены цитатами из законов, в том числе из Второго Статута [2, с. 73 – 75].

Умоцованными ссылались и на письменные доказательства. М. Менжинский представил великокняжескому суду выписку из земских судебных книг. В ответ его процессуальный противник Романовский потребовал предоставить оригинал документа, который свидетельствовал бы о правдивости избрания писарем конкретного шляхтича. Адвокаты активно работали и с показаниями свидетелей. Так, М. Менжинский просил приобщить к делу показания двух шляхтичей, на что резко возражал Романовский. Великокняжеский суд отказал в участии в этом деле другого представителя – Николая Павловича по причине его некомпетентности. Данное судебное дело ярко свидетельствует о том, что знания закона и профессионализм умоцованных очень важны [2, с. 76].

Документация Литовской метрики является ценным источником исследования института судебного представительства. Законодательно закрепленный во Втором Статуте он получает широкое применение, начиная с середины 60-х гг. XVI в. Однако функции представителя в суде продолжают выполнять лица, которые не приобрели статуса прокуратора. Они уполномочены участвовать разово в конкретном деле [2, с. 76].

Совершенствование института судебного представительства. IV раздел Статута ВКЛ 1588 г. «О судах и судьях» содержал основные требования судебной процедуры, которая во многом продолжала опираться на нормы обычного права. Арт. 54 разд. VI Статута 1588 г. разрешает представительство как в гражданских, так и в уголовных делах. Следует отметить, что эта норма нарушает принцип личной ответственности, который провозглашается арт. 18 разд. II этого же Статута: «...каждый сам за свое преступление должен терпеть и наказанным быть». Арт. 34 разд. IV Статута 1566 г. и арт. 58 разд. IV Статута 1588 г. были посвящены требованиям, которыми отвечал прокуратор. Он должен обладать необходимыми профессиональными и человеческими качествами. Статутные нормы определяют основы адвокатской этики, ответственность прокураторов за ведение дела. Как и арт. 34, арт. 58 Третьего Статута запретил работникам судов заниматься адвокатской деятельностью в своих судебных округах, уточнив, что в других судах они могут выступать как прокураторы. Адвокатами не могли быть «...судья, подсудок и писарь земский, также и вряд гродский, и [только] в тех уездах и при тех судах, где они есть врядныками, однако в своих собственных делах и в тех уездах могут [в суде] выступать и правосудие себе искать, а в поветах и в судах других, где не являются врядныками, те лица, вышеуказанные, где бы кому потребность случилась, и от кого другого из приятелей своих отвечать могут, но они прокураторами быть не могут. Не могут также быть прокураторами лица духовные, лишь только в своем собственном деле каждому из них разрешено будет в суде отвечать». То есть закон предусматривал, что ограничениями затронуты только те территории, где указанные лица исполняли свои обязанности (арт. 58 разд. IV). Таким способом в ВКЛ боролись с коррупцией в судах. Устанавливались требования и к моральным качествам адвоката. Из документов судебной практики того времени видно, что прокуратора-

ми не могли быть люди неосмотрительного поведения, лица, которые были пойманы на месте преступления, или записанные в книгах «Злодейских поволаний», или платили раньше когда-либо за «злодейство», или откупались от казни. Они должны быть «не воры, не плуты, не ябетники, ни корыстовники» [1, с. 106; 5, с. 94; 6, с. 169 – 171].

Особое значение придавалось оформлению полномочий представителя. Судебная практика показывает, что до принятия Второго Статута имена прокураторов даже не регистрировались в журналах судебных заседаний, а их полномочия не всегда проверялись судом. Статут 1566 г. уже устанавливает требования к документам, в которых содержатся полномочия. Имена прокураторов начинают записываться в судебные сборники. Необходимость в этом была обусловлена судебной практикой и была направлена на предотвращение фальсификации документов для представления интересов, ответственность за которую была установлена в 1529 г. в виде смертной казни. В соответствии с арт. 36 разд. IV Статута 1566 г. подделка поручительных писем также наказывалась смертной казнью: «...если бы кто-нибудь, предпочитая кому-то вред нанести, и прокуратор это совершил и письма от него с печатью его произвел [подработал], а того бы ему сторона не поручала, и через то что-то потеряла... тот прокуратор, кто бы то совершил, никак иначе, только смертью должен быть наказуем» [1, с. 107; 3, с. 89].

Учитывая важность роли представителя в процессе, начиная со Статута 1529 г., его полномочия утверждались на судебном заседании при обязательном присутствии на нем ответчика, который устно должен был подтвердить при свидетелях, что передает ведение своего дела прокуратору. Полномочия прокуратора могли утверждать также «в канцелярии нашей, государя, или перед врядом земским и гродским, и с того вряда выписка из книг должна взята быть и ее потом прокуратору своему дать, и за таким врядовым свидетельством могут быть прокураторами и неоседлые люди» (арт. 56 разд. IV Статута 1588 г.). В случае же болезни ответчика и его невозможности лично засвидетельствовать в суде полномочия прокуратора последний получал поручительное письмо. Его предоставляли как государственные органы (например, Паны-Рада), так и физические лица. Оформление поручительного письма должно было отвечать определенным требованиям. Они выдавались «с печатью и с подписью руки своей собственной» [1, с. 106–107; 6, с. 170, 172].

На судебном заседании прокуратор объявлял, что ему поручено вести чье-то дело, и предъявлял поручительное письмо, которое давало право на выступление в суде. Например, «от господина подкоморого стал господин Юрий Сирутевич и напервей показал лист его под печатью его, в котором пишет господин подкоморый, давая ему моц зуполную статью за себя в праве и отказывати»; «А сам владыка Иосифь перед нами очевисте не стоял, а речь свою поручил от себя молвить писарю нашему Ивашке Сопезе». Несоблюдение формы лишало поручительное письмо юридической силы. В книге Кременецкого земского суда от 13 января 1571 г. имеется запись об освобождении от явки в суд князя Константина Вишневецкого в деле с панами Челганскими ввиду неправильного оформления полномочий у представителя госпожи Челганской [1, с. 107].

Кто не умел писать – в том же письме или в выписке с названием дела ставилась печать и свидетельствовались подписи двух других шляхтичей. В законе уточняется, что «незаселенные» люди (то есть те, кто не владеет недвижимостью) также могут быть представителями при неявке стороны. Однако в этих случаях адвокат обязательно должен был быть шляхтичем. Эти представители наделялись всеми полномочиями, включая выдвиженные претензии, опровержения и т. д. (арт. 56 раздела IV Статута 1588 г.) Законом также было предусмотрено, что те, кто не мог лично «говорить» в суде (не мог выступать и вести собственное дело), по их просьбе могли участвовать даже представители, не имевшие недвижимости в ВКЛ. Если дело касалось смертной казни или имелось обязательство не выходить из процесса, обвиняемый не мог покинуть зал суда до конца дела. Закон требовал, чтобы вдовам, ораторам и «бедным и неадекватным» людям адвокат предоставлялся бесплатно (арт. 57 раздела IV). Статут 1588 г. устанавливал круг действий, которые прокуратор не мог совершить по делу без согласия своего доверителя: делать какие-либо новые записи, давать признательные показания в суде или брать деньги у кого-либо (или платить) за записи, сделанные доверителем (арт. 61 раздела IV). Закон детально регламентировал уважительные причины отсутствия адвоката в суде, что не могло бы повредить ему и делу в целом. Прежде всего, это смерть, а также тяжелое заболевание, однако последнее – с определенными оговорками. Если адвокат не явился в суд из-за «обложной» болезни, он должен был немедленно сообщить судье, а затем на следующем судебном заседании дать клятву, что он действительно «из-за болезни в первое время не мог встать» (арт. 60). В случае смерти представителя сторона должна была своевременно позаботиться о его замене, чтобы не срывать работу суда. Неявка на судебное заседание без уважительной причины влекла за собой наказание [5, с. 94–95; 6, с. 171].

Статут 1588 г. обязывал адвоката добросовестно вести дело в рамках закона и в интересах доверителя, а также предусматривал ответственность в случае недобросовестного исполнения обязанностей. Нарушение прокуратором своих обязанностей (неправильное ведение дела, измена интересам стороны, которая нанимала его и т. п.) сурово каралось: «...такий, если есть шляхтич, честь теряет, а не шляхтич – жизнь теряет» (арт. 35 разд. IV Статута 1566 г.). Статут 1588 г. усилил наказание для прокураторов-шляхтичей – они также карались смертью (арт. 59 разд. VI). Разглашение адвокатской тайны каралось смертью, а адвокатская небрежность – 4 неделями лишения свободы [1, с. 107; 5, с. 95; 6, 171].

Лицо, участвующее в деле, на любой стадии процесса могло отказаться от услуг своего представителя или заменить его другим: «А кто бы тоже, стоя перед судом, хотел устранить прокуратора и сам дело свое вести, или другому прокуратору дело свою поручить; то ему свободно будет» (арт. 36 разд. IV Статута 1566 г.). Если адвокат, назначенный судом работать бесплатно, отказывался от защиты или затягивал дело, то он лишался должности. При этом никто не мог принудить истца или ответчика приглашать по делу адвоката, о чем говорилось в постановлениях Сейма 1543 г. и Статуте 1588 г. В результате злоупотреблений прокураторов своими полномочиями, Сейм в 1547 г. просил Великого князя упразднить

этот институт в судах ВКЛ и заменить их на «приятелей». Этим шляхта демонстрировала свое неприятие открыто декларируемых отношений интереса и расчета между адвокатами и клиентами. На эту просьбу государь ответил, что привлечение прокуратора к судебному разбирательству – дело частное и добровольное, и если никто не будет нанимать прокураторов, то этот институт исчезнет сам собой [1, с. 107; 9, с. 185–186; 10, с. 111].

Однако число адвокатов в XVI в. наоборот росло. Изменились требования к их сословной принадлежности. Теперь они могли быть только шляхтичами, знавшими местное право и допущенными судом к адвокатской деятельности. Повысились требования к их профессиональной подготовке. Многие юристы из ВКЛ учились в западноевропейских университетах. Первым образовательным учреждением в сфере юриспруденции в ВКЛ стала Святоянская школа гражданского права (1566 – 1579). Также юридическую подготовку давали кальвинистские, арианские, а также частные школы (*palaestra*). Для приобретения практических навыков существовали претенденты – стажеры при адвокатах. После определенного периода стажировки эти лица подавали петицию в местный суд для получения права на занятие адвокатской деятельностью [9, с. 173].

Заключение. Несмотря на определенные недостатки, институт представительства прочно укоренился в судебном процессе, получил свое письменное закрепление в Статутах ВКЛ и стал серьезным фактором демократизации судебной системы ВКЛ в XIV – XVI вв., который в итоге привел к образованию института адвокатуры [1, с. 107; 6, с. 171–172].

Список литературы

1. **Аракелян М. Р.** Развитие института судебного представительства в Великом княжестве Литовском // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. 2009. Т. VIII. С. 101 – 109.
2. **Блануца А. В.** Институт адвокатуры у 60–70-х роках XVI ст. у Великому Князівстві Литовському // Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: правничі науки. 2015. Вип. 2. С. 69 – 83.
3. **Гур'ева А. А.** Развіцце адвакатуры на тэрыторыі Беларусі ў перыяд падрыхтоўкі і ўвядзення ў дзеянне статутаў ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. // Веснік БДУ: Серія 3. 2012. № 2. С. 87 – 90.
4. **Гур'ева А. А.** Узнікненне адвакатуры у Беларусі і станаўленне яе тэрміналагічнага вызначэння // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне. Матэрыялы міжнароднага навукова-практычнага круглага стала, прысвечанага юбілею гісторыка права, д-ра юрыд. навук, прафесара Т.І. Доўнар. Мінск: БДУ, 2019. С. 343 – 352.
5. **Зараджэнне** інстытута прафесійнай адвакатуры ў Вялікім княстве Літоўскім // Веснік БДУ: Серія 3. 2003. № 1. С. 90 – 95.
6. **Ефремова Н. В.** Судебное представительство по Статуту 1588 г. // Проблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо. Мінск, 18–19 сакавіка 2011 г. Мінск: БДУ, 2011. С. 169 – 172.
7. **Заборовский В. В.** Становление и развитие института украинской адвокатуры во времена Киевской Руси и в период польско-литовского правления // Teisė. 2016. Т. 100. С. 140 – 145.
8. **Пенязь А. А.** Прадстаўнікі духавенства і шляхты як прафесійныя абаронцы ў Вялікім Княстве Літоўскім // Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай

90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо. Мінск, 18–19 сакавіка 2011 г. Мінск: БДУ, 2011. С. 172 – 174.

9. **Пенязь Е. А.** Конституционные основы института адвокатуры по Статутам Великого Княжества Литовского XVI в. // *Право Беларуси: история и современность: сб. материалов Междунар. науч.-теорет. конф. студентов, магистрантов и аспирантов «Развитие институтов гражданского права в законодательстве Беларуси от Статуса ВКЛ 1529 г. до Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г.»* (Минск, 24 ноября 2009 г.). Минск: БГЭУ, 2010. С. 184 – 186.

10. **Старченко Н.** Умоцвані – прокураторы – приятелі. Хто вони? (становлення інстытуту адвокатуры на Волині в кінці XVI ст.) // *СОЦІУМ. Альманах сацыяльнай історыі*. 2002. Вип. 1. С. 111 – 144.

References

1. **Arakeljan M.R.** [Development of the institution of judicial agency in the Grand Duchy of Lithuania], *Nauchnyye trudy Odesskoy natsional'noy yuridicheskoy akademii* [Scientific works of Odessa National Law Academy], 2009, v. VIII, pp. 101-109. (In Belarus.)

2. **Blanuca A.V.** [Institute of Advocacy in the 60-70s of the XVI century in the Grand Duchy of Lithuania], *Mezhdistsiplinarnyye gumanitarnyye studii. Seriya: yuridicheskiye nauki* [Interdisciplinary Humanities Studies. Series: legal sciences], 2015, no. 2, pp. 69-83. (In Belarus.)

3. **Gur'yeva A.A.** [Development of the Bar on the Territory of Belarus during the Preparation and Implementation of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania in 1529, 1566, 1588], *Vestnik BGU: Seriya 3* [Bulletin of BSU: Series 3], 2012, no. 2, pp. 87-90. (In Belarus.)

4. **Gur'eva A.A.** [The emergence of the Advocacy in Belarus and the formation of its terminological definition], *Statut Vjalikaga Knjastva Litojskaga 1529 goda i jago gistoryka-tjearjetychnae asjensavanne. Matjeryjaly mizhnarodnaga navukova-praktychnaga kruglaga stala, prysvechanaga jubileju gistoryka prava, d-ra juryd. navuk, prafesara T.I. Downar* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and its historical and theoretical interpretation. Proceedings of the international scientific-practical round table dedicated to the anniversary of the historian of law, Dr. Jurid. Sciences, Professor T.I. Downer], Minsk: BDU, 2019, pp. 343-352. (In Belarus.)

5. **Downar Ju.P.** [The birth of the institute of professional advocacy in the Grand Duchy of Lithuania], *Vesnik BDU: Serija 3* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 3], 2003, no. 1, pp. 90-95. (In Belarus.)

6. **Efremova N.V.** [Legal agency under the 1588 Statute], *Problemy istorii gosudarstva i prava Belarusi: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Yukho* [Problems of the history of the state and law of Belarus: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of I.A. Yuho], Minsk, 18-19 marta 2011. Minsk: BGU, 2011, pp. 169-172. (In Belarus.)

7. **Zaborovskiy V.V.** [Formation and development of the institution of the Ukrainian legal profession during the times of Kievan Rus and during the Polish-Lithuanian rule], *Teisė*, 2016, v. 100, pp. 140-145. (In Rus)

8. **Penjaz' A.A.** [Agent of the clergy and nobility as professional defenders in the Grand Duchy of Lithuania], *Problemy istorii gosudarstva i prava Belarusi: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Yukho* [Problems of the history of the state and law of Belarus: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of I.A. Yuho (Minsk, March 18-19, 2011)], Minsk: BDU, 2011, pp. 172-174. (In Belarus.)

9. **Penjaz' E.A.** [Constitutional foundations of the institution of the legal profession according to the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century], *Pravo Belarusi: istoriya i sovremennost': sb. materialov Mezhdunar.*

nauch.-teoret. konf. studentov, magistrantov i aspirantov "Razvitiye institutov grazhdanskogo prava v zakonodatel'stve Belarusi ot Statusa VKL 1529 do Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Belarus' 1998" (Minsk, 24 noyabrya 2009) [Law of Belarus: history and modernity: collection of articles. materials of the International scientific and theoretical conference of students, undergraduates and postgraduates "Development of civil law institutions in the legislation of Belarus from the State of the Grand Duchy of Lithuania in 1529 to the Civil Code of the Republic of Belarus 1998", Minsk, November 24, 2009], Minsk: BGJeU, 2010. S. 184-186. (In Belarus.)

10. **Starchenko N.** [Fortified - prosecutors - friends. Who are they? (formation of the institute of advocacy in Volyn at the end of the XVI century)], *SOTSIIUM. Al'manakh sotsial'noy istorii* [SOCIELTY. Almanac of Social History], 2002, Issue 1, pp. 111-144. (In Belarus.)

Judicial Agency in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th Century

**M. P. Belyaev, Cand. Sci.(History), Associate Professor,
department of jurisprudence, Russian University of Cooperation,
Mytishchi, Moscow region, Russia;
babek-han@mail.ru**

This article describes the development of judicial representation in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century. For the first time, the organizational design and legislative consolidation of judicial representation took place in cities with Magdeburg law. The emergence of professional judicial representatives was associated, first of all, with the adoption of the Statute of 1529, which contains legal norms that allow substituting parties in court. The status of professional representatives – lawyers who were called procurators – was consolidated. The statute of 1566, which actually summarized the 30-year practice of law, quite clearly regulated the conduct of the case in court, both personally and through a procurator. The grounds were established when a lawyer was provided free of charge by appointment of a court. The 1588 Statute regulated in detail the procedure for empowering a judicial representative. The author concludes that the institution of representation is firmly rooted in the judicial process, received its written confirmation in the Statutes and, as a result, led to the formation of the institution of the Advocacy.

Keywords: Institute of the Bar; Magdeburg Law; procurator; professional representative; Statute.

© М. П. Беляев, 2021

Статья поступила в редакцию 28.08.2020

При цитировании использовать:

Беляев М. П. Судебное представительство в Великом княжестве Литовском в XVI в. // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 7 – 18. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.007-018